

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИН

ИЗ БУМАГ ПУШКИНА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“

Москва—1926

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Наука о Пушкине, пушкиноведение, пушкиноведство часто еще называется — пушкиноедством», говорит в своей ценной «Первой главе науки о Пушкине» — М. Л. Гофман. «В кругах, даже слегка причастных к литературе, очень распространено мнение о пушкинистах, пушкиноведах, пушкинианцах, — как о пушкиноедах, пожирающих себя, друг друга и Пушкина. Часто приходится слышать подобные фразы: — Пушкин изучен и переизучен, о Пушкине все сказано и сделано, и крохоборам — пушкиноедам ничего не осталось, кроме выискивания мелких фактиков, запятых и точек, мелких деталей, нагромождения мелких, случайных, ненужных подробностей: за деревьями от взоров скрывается лес. — И читающая публика ворчит на пушкинистов, как на средостение между нею и поэтом.. Несправедливы выводы, но еще несправедливее основания, несправедливо, фактически слишком неверно утверждение, будто бы Пушкин изучен и переизучен, будто бы о Пушкине все сказано, в науке о Пушкине все сделано, и ничего не осталось делать в ней, кроме выискивания запятых, точек и мелких фактов».

И в самом деле, до сих пор мы не только не имеем канонического текста Пушкина, не имеем сколько-ни-

будь полного собрания произведений, но и сейчас еще сотни и сотни стихов его (богатейшее творческое наследие!) неизвестны в печати и не введены в научный оборот. И, конечно, исследователь прав, говоря, что «каждый, приступающий к науке о Пушкине, волен обнаруживать в творчестве Пушкина не новые запятые и случайные детали, а новые стихи, новые редакции и—добавим от себя: новые творческие замыслы—новый Пушкинский кодекс, начинать новую научную работу по незатронутым вопросам и целым областям жизни и творчества Пушкина».

А Пушкина мы ведь действительно мало знаем... Это приходится констатировать всякий раз, когда близко подходишь к целому ряду интереснейших творческих проявлений этого разностороннего гения, когда приступаешь к исследованию темных сторон его быта и жизни, а в особенности тогда, когда при пристальном всматривании в ряд его произведений возникает вопрос о том, как работал и как творил этот великий человек, т.-е. как строилось его произведение, как эволюционировало оно в творческом сознании мастера и, наконец, как достигало оно поэтического совершенства.

И характерно то, что в «ответах» прежних исследователей на такие вопросы мы часто наталкиваемся почти на полное игнорирование литературного объекта. Так, если это произведение лирическое, то неизбежно исследователь (или комментатор) пытается сконструировать по этому произведению чуть ли ни биографию женщины, «любимой Пушкиным» и якобы влиявшей на создание этого произведения (хотя очень и очень ча-

сто следует резко отрицать какое бы то ни было значение источника для библиографии за лирикой поэта); иными выискивались самые причудливые и необоснованные примеры влияний иностранных писателей или русских предшественников на разбираемое творение (хотя и здесь часто примеры этого «влияния» основывались на чисто внешних признаках); другими исследователями давался подробный разбор формальных (т.е. технических) основ этого произведения,—но почти никогда комментатор не давал читателю возможности проследить подлинный творческий—чрезвычайно ценный и поучительный для нас—путь поэта, и история создания произведения не доходила до читателя, так как самое последнее место уделялось **рукописи** поэта.

А ведь несомненно то, что одною из главных задач изучения Пушкина должно явиться самое непосредственное—как для исследователя, так и для читателя—ознакомление с подлинными рукописями поэта. Принцип непосредственного восхождения всяких работ по Пушкину к его подлинным рукописям и в исследовательских кругах еще находится в зачаточном состоянии; читатель же и подавно не имеет возможности непосредственно обратиться к ознакомлению с бумагами поэта, а именно, они, и только они дают богатейший материал для воссоздания всех этапов творческого процесса.

Игнорирование близкого ознакомления с рукописями Пушкина привело к тому, что мы до самого последнего времени во всех собраниях его сочинений находим десятки и десятки произведений (и крупных и мелких), печатающихся в совершенно неверных

редакциях, и совершенно не в том виде, в каком мы обязаны их печатать, в каком сам поэт хотел видеть эти произведения в печати. Так, еще до самого последнего времени никого не тревожило нелепое и совершенно произвольное расположение глав и отдельных эпизодов в «Истории села Горюхина»; обесмысленные введением черновых строф и даже строк «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне» по традиции перепечатывались одним издателем собрания его сочинений за другим; перекроенные Жуковским на свой лад главы «Дубровского» долгое время оставались во всех позднейших перепечатках этого произведения...

Лишь отчасти это можно объяснить еще тем, что до нынешнего времени целый ряд крупнейших и основных фондов пушкинских рукописей совершенно не подвергся планомерному изучению. Здесь прежде всего нужно упомянуть о богатейшем фонде Пушкинских бумаг, переданных сыном поэта в Московский Румянцевский музей. Общеизвестное—слишком беглое и во многом ошибочное—описание этих бумаг, сделанное В. Е. Якушкиным еще в начале 80-х годов, остается погребенным в пыльной «Русской Старине», и с того момента на эти бумаги, которые объединяют 31 тетрадь поэта, делались лишь набег, иногда еще более затемнявшие работы предыдущих исследователей¹⁾.

---

¹⁾ Лишь недавно—в конце прошлого года—редакцией выпущенного Госиздатом РСФСР первого сборника статей и материалов „Пушкин“ было начато детальное описание рукописей Румянцевского Музея (ныне Всероссийской Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина).

Вовсе же неизученными можно считать несколько других не столь крупных, но все же очень ценных фондов пушкинских бумаг (даже полное описание которых часто неизвестно в печати). Так и поныне не опубликовано «Майковское собрание»: это—бумаги, идущие непосредственно из архива Пушкина и бывшие в руках у пушкиниста П. В. Анненкова, лишь поверхностно использовавшего их; вдовой Анненкова эти бумаги были переданы акад. Л. Н. Майкову, известному пушкиноведе, также почти совершенно не опубликовавшему их. Ныне эти бумаги хранятся в рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР, куда они были переданы покойной А. А. Майковой, поставившей условием, чтобы право первого пользования этими ценнейшими пушкинскими материалами принадлежало самой Академии Наук и чтобы опубликование их произошло лишь в академическом издании сочинений Пушкина, первый том которого редактировал еще Л. Н. Майков. Но так как со времени смерти Л. Н. прошло уже около 25 лет, и вместо 12-томного академического Пушкина вышло всего 5 томов, то из этого собрания было использовано лишь несколько автографов (да и то не всегда точно опубликованных).

В Пушкинском Доме при Академии Наук СССР, кроме ряда ценнейших неизученных автографов, в настоящее время хранится собрание бумаг Пушкина, бывших прежде собственностью президента Академии—К. Р. (великий князь Константин Константинович); бумаги этого собрания совершенно не введены в научный оборот, а в них имеется немало интересных новинок и любопытных

показателей пушкинского творчества, могущих пролить свет на историю создания целого ряда его творений. Туда же недавно поступила из Юсуповского Дворца большая связка драгоценных неизданных писем поэта к Елизавете Михайловне Хитровой (№ 30), блестящих по стилю и обогащающих биографию поэта весьма ценными данными, во многом дополняющих известные уже стороны его литературной и общественной деятельности. В Ленинградской Публичной Библиотеке также можно видеть немало автографов, устанавливающих правильные редакции и дающих новые варианты к его произведениям; они также еще ждут своего исследователя. Наконец, новый фонд рукописей, исходящих непосредственно из личного архива Пушкина, во время погромов 1918 года был обнаружен на чердаке дома одной из подмосковных усадеб Пушкиных; здесь эти бумаги, заключающие много интереснейших документов, уже начали использоваться на хозяйские надобности. Бумаги эти заключают в себе 22 тетради с «Материалами к истории Петра I», которые были в руках первых издателей Пушкина—Жуковского и Анненкова, но которые до сих пор считались утраченными; здесь же имеется ряд неизданных автографов Пушкина и связка чрезвычайно любопытных неизданных писем к нему. Весь этот фонд, долженствующий перейти в Пушкинский Дом, в настоящее время лишь только готовится к печати П. Е. Щеголевым.

Основной же задачей нашей небольшой книжки является—на основании ряда неизданных материалов этих ценнейших фондов: Майковского собрания в ру

кошисном отделении Библиотеки Академии Наук, собрания К. Р. и других коллекций Пушкинского Дома, фонда рукописей Ленинградской Публичной Библиотеки и новонайденных Пушкинских бумаг, находящихся в настоящее время у П. Е. Щеголева—показать несколько моментов того, как творил этот гений—бессмертный поэт, великий прозаик, крупный историк, блестящий переводчик, остроумный критик, тонкий журналист, интересный художник... ¹⁾

Миниатюрный об'ем книжки, конечно, не даст возможности выявить все стороны творчества этого великого мастера, но несколько наиболее крупных этапов его творческого пути мы все же постараемся обрисовать.

Первая глава объединяет текстовой материал о последовательных стадиях поэтической работы Пушкина. Здесь мы увидим произведение в зачаточном состоянии, его постепенное изменение и, наконец, окончательное оформление. Следует отметить, что в расшифровке черновиков мы отказываемся от транскрипций, которыми до сих пор исследователи старались выявить для читателя постепенное развитие творческих замыслов поэта. Дело в том, что транскрипции всегда сводятся к тому, чтобы путем типографских шрифтов разного размера и характера (понпарель, петит, кор-

---

¹⁾ Следует указать, что популярное название книжки вынудило меня печатать все автографы Пушкина—не исключая и впервые публикуемые—по новому правописанию; кроме того, пришлось совершенно отказаться от подкрепления своих соображений и доводов необходимыми ссылками и комментариями. В следующей же научном издании моей работы „Бумаги Пушкина“ печатающиеся материалы будут соответственно прокомментированы.

пус, цитеро; курсив, жирный, разбивка) и путем условных типографских значков передать характер рукописи, но в конечном итоге почти всегда получается лишь автоматический перечень слов и букв, приводимый без какой-либо связи между ними. Так как такой сумбур, конечно, никто никогда не читает, то считаем, что незаменимую службу читателю в данном случае может сослужить приводимая нами фотография разбираемого автографа, которая и послужит лучшим исходным пунктом в деле выявления отдельных этапов создания произведения. Этот метод публикации также поможет читателю последовательно воспринять отдельные наслоения в творческих созданиях поэта.

Своеобразную картину замыслов ряда прозаических произведений Пушкина, оставшихся неосуществленными, мы найдем во 2-м отделе книжки. Программам этим, являющимся любопытными стенограммами его первых творческих замыслов, исследователи уделяли недостаточно внимания; они даже не собраны воедино, многие до сих пор похоронены в грудах мало исследованных Пушкинских рукописей, но все же громадный интерес, заключающийся в этих замыслах неоживших созданий великого мастера, несомненен.

Примером того, как Пушкин из небольших планов и первоначальных набросков создавал крупнейшие прозаические произведения, занят 3-й отдел книжки. Являясь исходным пунктом в истории создания произведения, планы эти до сих пор также не собраны и не обследованы; опубликованная часть их загнана исследователями на задворки собраний сочинений, где они

в петитных примечаниях пропадают для читателя среди разного рода ненужных и случайных подробностей. Количество новых и ценных деталей, которые они добавляют к познанию нам уже знакомых произведений Пушкина, настолько велико, что на них следует подробно остановиться.

Ряд неизданных рисунков поэта, иллюстрирующих несколько сторон еще неизученного живописного наследия Пушкина, об'единены в 4-м отделе; наконец, 5-й отдел—«Из эпистолярного наследия Пушкина»—даст несколько новинок его переписки, ярко иллюстрируя и косность, и обывательщину, и мещанство, окружавшию и давившию поэта в последние годы его жизни¹⁾.

За внимание и теплое отношение к моим работам по Пушкину—частицей которых является настоящая книжка—искренняя благодарность Б. Л. Модзалевскому, Ю. Г. Оксману и Б. В. Томашевскому.

---

¹⁾ „Новыми материалами“ названы мною бумаги Пушкина, собранные в этой книжке, потому, что часть их, совершенно неизвестная до сих пор в печати, помещается здесь впервые; другая же часть помещаемых здесь бумаг, известная до сих пор по копиям и в извлечениях, в нашем издании в полном виде публикуется впервые, и, наконец, весь материал, находящийся в этой книжке, напечатан нами с рукописей, впервые вводимых в научный оборот, что дало возможность внести дополнения и поправки даже в те части текста, которые были известны раньше.